

Глава V

Василий Никитич Татищев — историк

1. Жизнь и творчество

Литература, посвященная В.Н. Татищеву как историку, чрезвычайно многочисленна. Этот интерес объясняется его особым значением как автора первого в российской науке Нового времени обобщающего труда, посвященного отечественной истории, — «Истории Российской».

Особая роль этого исследования в российской историографии была ясна уже современникам В.Н. Татищева. По инициативе и при активном участии Г.Ф. Миллера «История Российская» была издана в 1768–1784 гг. (последний том был издан после смерти Миллера). Но тогда же стала очевидной особая проблема этого труда — определение методов использования Татищевым исторических источников. Как отметил Миллер, он использовал сведения разных летописей и выбирал из них наиболее достоверные [Миллер Г.Ф. 1755. С. 277]. Но проблема заключалась в том, чтобы определить степень достоверности избранных Татищевым известий и точности их изложения.

Трудом В.Н. Татищева пользовались в своих исторических разысканиях во второй половине XVIII в. в рукописи и в опубликованном виде М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, Ф.А. Эмин, Екатерина II, Н.И. Новиков, И.Н. Болтин, И.И. Голиков, И.П. Елагин, И.Г. Стриттер, П.-Ш. Левек, в полной мере доверявшие сведениям «Истории Российской» [Астраханский В.С. 1993. С. 36–115, 144–148]. М.М. Щербатов выразил сомнение в достоверности указанных Татищевым Раскольничей и Иоакимовской летописей, им использованных. Впрочем, современник и критик Щербатова И.Н. Болтин допускал их достоверность, ссылаясь на существующие в других летописях различия в изложении событий [историографический анализ мнений Щербатова и Болтина см.: Валк С.Н. 2000. С. 465–471].

Н.М. Карамзин, изучивший бóльшую часть известных в первой четверти XIX в. исторических источников, отечественных и иностранных, то

повторял в своей знаменитой «Истории государства Российского» «татищевские известия», которые не подтверждались другими источниковыми материалами, то исправлял их в соответствии с такими данными, то писал, что татищевские сведения вымышлены. Вследствие расхождений между известиями древнерусских письменных памятников и текстом Татищева Карамзин характеризовал его как историка, «нередко позволявшего себе *изобретать* древние предания и рукописи» [*Карамзин Н.М.* 1829. Т. 12, примеч. 165; курсив Н.М. Карамзина; *Пештич С.Л.* 1961. С. 223–224; *Валк С.Н.* 2000. С. 452–461]. В таком отношении к определению избыточной информации в труде Татищева поддержал Карамзина и автор «Истории русского народа» Н.А. Полевой, назвав такого рода сведения «многими выдумками» [*Полевой Н.А.* 1832. С. 52].

Таким образом, уже во второй половине XVIII — первой трети XIX в. были поставлены основные вопросы в определении происхождения известий, содержащихся только в «Истории Российской» В.Н. Татищева: восходят ли они к несохранившимся письменным памятникам или вымышлены автором. Впрочем, в середине XIX в. появился и новый подход к интерпретации «татищевских известий» — установление их содержательных идейных связей с современной Татищеву действительностью [*Льжин Н.П.* 1858. С. 3–25; *Валк С.Н.* 2000. С. 488]. Данное наблюдение свидетельствовало о том, что на автора «Истории Российской» воздействовали внеисточниковые факторы, а это объективно поддерживало уже существовавший критический подход к иллюстративному использованию текста «Истории» как свода сохранившихся и несохранившихся исторических источников.

Начала системного источниковедческого и текстологического анализа «Истории Российской» появились в работе И.П. Сенигова, который в связи с изучением ее так называемой Академической рукописи отметил две редакции этого труда. Он же впервые последовательно сравнил текст «Истории Российской» с Радзивилловской летописью, определив конкретные формы изменений Татищевым летописных текстов в первой редакции «Истории», а также выделил в этом историческом труде «татищевские известия» [*Сенигов И.* 1887. С. 149–435].

Со второй четверти XIX в. начала изучаться биография В.Н. Татищева, его государственная, военная, общественно-политическая и административная деятельность, в контексте которой рассматривались также его труды как историка. Анализировалось влияние идей Петра Великого на его научное творчество прежде всего как историка [историографический обзор данной темы см.: *Юхт А.И.* 1985. С. 8–32]. В этом исследовательском направлении в полной мере обоснованно выделилась проблема: Татищев как сторонник петровских преобразований в государственной и научной деятельности [*Фурсов Н.А.* 1886; *Blanc S.* 1972; *Daniels R.* 1973; *Юхт А.И.* 1975. С. 209–218]. В историографии отмечалось следование Татищева принципам

рационализма и прагматизма, предполагалось влияние на его общественно-политические взгляды философов, которые способствовали также формированию идеологии Петра Великого, — Т. Гоббса, Гуго Гроция, С. Пуфендорфа, Г.В. Лейбница, а также новейшего мыслителя в этой плеяде, своего ровесника Х. Вольфа [*Попов Н.* 1887; *Рубинштейн Н.Л.* 1941. С. 51–64; *Пешич С.Л.* 1965. С. 131–132]. Было отмечено в историографии и воздействие на Татищева идей кружка А.П. Волынского, а также филолога и эрудита Липсия (1547–1606), который критиковал женское участие в государственном правлении в античный период (Клеопатра, Мессалина). Такие идеи были поддержаны в волынцевском кружке как форма оппозиции правлению Анны Ивановны [*Лыжин Н.П.* 1858; *Пекарский П.* 1862а. С. 218–220; *Валк С.Н.* 2000. С. 488; *Broggi Bercoff G.* 1986. P. 373–420; 1988. P. 339–360].

К середине XX в. был выявлен основной корпус трудов В.Н. Татищева и установлены основные факты его биографии. Вследствие этого появились новые возможности изучения его творчества как историка. А.И. Андреев на новом уровне исследовал труды Татищева по истории в неразрывной связи с его биографией во всей множественности установленных фактов. Поскольку исследования Татищева-историка были органично связаны с изучением исторической и современной географии, а также с картографией, Андреев анализировал эти направления комплексно [*Андреев А.И.* 1950. С. 3–35; 1951а. С. 245–314; 1962. С. 5–38 и др.]. Тогда же, в 1930-е — 1950-е гг., Н.Л. Рубинштейн рассмотрел теоретические основания творчества Татищева-историка. По его мнению, Татищеву были свойственны рационализм и прагматизм, характерные эпохе Петра Великого и западноевропейской культуре первой половины XVIII в. Отметил он теоретическое осмысление основного содержания исторического развития России как смены форм государственной власти — от княжеского единовластия к ее ослаблению и господству «аристократии» и к последующему восстановлению монархии при Иване III, ее укреплению при Петре I. Отметил Рубинштейн и вклад Татищева в становление вспомогательных исторических дисциплин — исторической географии, этнографии, хронологии и генеалогии [*Рубинштейн Н.Л.* 1941. С. 65–86; *Историография истории СССР.* 1961. С. 78–83].

Л.В. Черепнин развил это исследовательское направление. Он отметил в трудах В.Н. Татищева постоянный интерес к географическому и историко-этнографическому описанию России, древней и новой, к истории права древнерусского и современного, к развитию просвещения в России с древнейших времен. По наблюдениям Черепнина, Татищев считал, что историк должен не только собирать, но также истолковывать факты, в чем проявлялся присущий Татищеву рационализм [*Черепнин Л.В.* 1957. С. 164–186].

Эти работы стали началом многочисленных исследований, посвященных научному анализу не только исторических, но также общественно-

политических, экономических и философских взглядов В.Н. Татищева [литературу см.: *Юхт А.И.* 1985. С. 16–32].

Особое значение имеет системный анализ источниковедения и текстологии основного исторического труда В.Н. Татищева — «Истории Российской» [здесь и далее обстоятельный историографический анализ см.: *Николаева А.Т.* 1963. С. 337–349; *Валк С.Н.* 1968а. С. 5–29; 2000. С. 452–515; *Творогов О.В.* 1987в. С. 204–206]. В результате текстологических разысканий А.А. Шахматов пришел к выводу, в соответствии с которым в первой редакции своего труда, написанном на «древнем наречии», Татищев следовал известиям использованных им исторических источников, включая редкие или ныне не сохранившиеся. О второй редакции вывод Шахматова был негативным, продолжившим наблюдения Н.М. Карамзина: «Татищев именно своею второй редакцией, теми переделками и распространениями древнего текста, которые он там допустил, навлек на себя подозрение в том, что нередко позволял себе “изобретать древние предания и рукописи”. От этого подозрения его не могут спасти основывающиеся на вероятностях исследователи (в сноске Шахматов указал таких исследователей: С.М. Соловьев и К.Н. Бестужев-Рюмин. — М. С.). Сравнение второй редакции с первой подтверждает обвинение в том, что многое в этой второй <...> редакции “изобретено” Татищевым <...>» [*Шахматов А.А.* 1920. С. 94–95].

М.Н. Тихомиров, изучая «Историю Российскую» как научное произведение первой половины XVIII в., обратил особое внимание на идентификацию древнерусских сочинений, использованных Татищевым в своем труде. В связи с особым значением «Истории Российской» как первого в российской историографии Нового времени произведения, обобщившего изложение и анализ древней русской истории, еще А.А. Шахматов предложил ее критическое издание, тогда как М.Н. Тихомиров стал инициатором его подготовки [*Тихомиров М.Н.* 1962. С. 39–53; *Валк С.Н.* 1968а. С. 10–11].

Одновременно разрабатывался источниковедческий анализ авторских приемов В.Н. Татищева. В них были отмечены сопоставление сведений использованных исторических источников, их критика на основании логики и здравого смысла [*Николаева А.Т.* 1963. С. 337–374], постоянное расширение Татищевым круга используемых исторических источников, первые для русского источниковедения наблюдения над историей текстов летописей, которые будут продолжены и развиты в последующей отечественной науке [*Клосс Б.М., Корецкий В.И.* 1981. С. 5–13]. Значительный вклад Татищев внес в становление российской дипломатики. По наблюдениям С.М. Каштанова, он дал определения грамоты, диплома, жалованной грамоты, различал документы по разновидностям и по сроку действия. В жалованных грамотах Татищев выделил их разновидности — полетные, тарханские и на кормление, провел аналогию между русскими грамотами и латинскими дипломами и патентами. В числе грамот на кормление он отметил немалое число подложных [*Каштанов С.М.* 1988. С. 46–47].

С.Л. Пештич выявил ранее неизвестные списки «Истории Российской». Их общее число в результате его разысканий достигло двадцати восьми. Пештич идентифицировал шесть из восьми названных Татищевым летописей, которыми он пользовался в своей работе на ранней ее стадии, тогда как не сохранившиеся две летописи известны по другим спискам. Пештич соотнес списки татищевского труда с определенными периодами в процессе его написания. Особое значение приобрел открытый и введенный Пештичем в научный оборот перевод на немецкий язык «Предисловия» и «Примечаний» первоначального текста «Истории» в редакции 1739–1740 гг., не сохранившегося на русском языке.

По наблюдениям С.Л. Пештича, первоначальную редакцию «Истории» Татищев написал в виде законченного в 1739–1740 гг. летописного свода известий «на древнем наречии». Работа над переработанным текстом первой редакции была закончена в 1746 г. В 1747 г. в переписанном виде она поступила в Академию наук [БАН. 17.17.11]. В 40-е гг. Татищев перевел «Историю» на «новое наречие», редактировал ее текст, дополнив известиями полученной Иоакимовской летописи. При редактировании он подновлял язык, иногда его архаизируя, сознательно распространяя и переделывая смысл древнего текста, добавлял известия из нелетописных отечественных и иностранных источников, вставлял свои рассуждения для объяснения или связи одних фактов с другими.

По наблюдениям С.Л. Пештича, первоначально В.Н. Татищев стремился составить «Сводную летопись», следуя текстам использованных летописных источников, комментируя в «Примечаниях» свои толкования, а также чтения летописей и исторические события. Но уже в процессе работы над первой редакцией он отказался от подготовки научного свода летописных известий и заменил его историей в виде летописного свода.

Вторую редакцию «Истории» С.Л. Пештич высоко оценил как итог развития исторических знаний в России в первой половине XVIII в. и результат многолетней деятельности самого Татищева как первого русского историка. Он отметил в труде Татищева внимание к теоретическим проблемам предмета истории и ее содержания, общих закономерностей исторического развития, изменения форм общественного и государственного устройства, к конкретным историческим вопросам и вспомогательным историческим дисциплинам. Пештич исследовал обширную историографическую и источниковедческую основу его труда, отметил введение им в научный оборот важнейших исторических источников.

Так называемые «татищевские известия» С.Л. Пештич включил в контекст, по его мнению, свойственных XVIII в. «фальсификаций» исторических произведений, отдельных исторических фактов и документов. Впрочем, он смягчил следствия такого сопоставления. По его словам, «не всегда легко уловить грань между сознательной фальсификацией и произвольной

интерпретацией фактов или выяснить субъективные и объективные причины, побудившие автора к тому или другому». Поэтому Пештич пришел к выводу, в соответствии с которым труд В.Н. Татищева является не сводом известных летописных памятников, а историческим произведением: «Развенчивая “Историю Российскую” как источник, мы тем самым не приуменьшаем, а возвеличиваем заслуги Татищева как историка. Противоречивость формы и содержания его труда, написанного в виде летописного свода, но являющегося уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи, свидетельствует о самостоятельном истолковании источников Татищевым в духе его общественно-политических взглядов и в соответствии с общим уровнем развития исторической мысли в России» [Пештич С.Л. 1961. С. 222–275; 1965. С. 124–163].

Особыми темами разысканий С.Н. Валка стали история текста «Истории Российской», ее рукописи и археография в неразрывной связи с биографией Татищева, а также с издательской деятельностью Г.Ф. Миллера. Он выявил исторические и источниковедческие начала, которые определили содержательное и композиционное деление «Истории» на четыре части. Особое внимание Валк уделил воздействию общественно-политических взглядов и конкретных фактов биографии Татищева на отбор и интерпретацию им информации исторических источников. Вместе с тем, Валк не согласился с наблюдениями Пештича, в соответствии с которыми Татищев вольно интерпретировал факты и фальсифицировал исторические источники, следуя своим историческим и общественно-политическим представлениям.

С.Н. Валк установил соотношение выявленных рукописей «Истории», а также списков всех трех ее составляющих — «Предъизвещения», изложения исторических событий, а также примечаний, уточнив наблюдения С.Л. Пештича. Такой системный текстологический анализ позволил Валку подготовить классическое по археографической подготовке издание этого труда В.Н. Татищева [Валк С.Н. 1962. С. 54–75; 1963. С. 5–20; 1964. С. 5–26; 1965. С. 5–21; 1966а. С. 5–18; 1968б. С. 30–49; 1971].

Большое значение имеет критическое издание С.Н. Валком материалов, имеющих отношение к изучению исторических разысканий и общественно-политических взглядов В.Н. Татищева [Татищев В.Н. 1968; 1979]. Для анализа работы Татищева с текстами исторических источников существенны наблюдения Г.Л. Гейерманса и С.Н. Валка над списками Правды Русской [Гейерманс Г.Л. 1940. С. 163–174; Валк С.Н. 1957; 1991]. Они показали, что Татищев не только пользовался ее копиями, содержащими ошибки в сравнении с ее текстом, находившимся в составе известной ему Новгородской Первой летописи младшего извода (далее — НПЛмл.), но также правил их. Как доказал Валк, основным в передаче текста Правды Русской для Татищева являлось не точное его воспроизведение, а стремление сделать его возможно более понятным [Валк С.Н. 1957. С. 618].

Развивая свои наблюдения над историей текста «Истории Российской», С.Н. Валк показал, что использованные в ней социальные термины и упомянутые исторические события должны учитываться современными исследователями только в контексте истории ее рукописей и редакций [Валк С.Н. 1969. С. 349–352]. Отметил он и появление во второй редакции «Истории Российской» после перевода ее нарративного текста на современный русский язык нового свойства: «Не потеряв своей “вероятности”, она в то же время приобрела теперь новые черты литературного изложения исторического прошлого» [Валк С.Н. 1966б. С. 72].

Разыскания А.И. Андреева, С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова и С.Л. Пештича определили основные направления последующих исследований и публикаций материалов, относящихся к изучению жизни и исторических трудов В.Н. Татищева.

Е.М. Добрушкин продолжил критический анализ «татищевских известий» и разработку методики их изучения посредством не только сопоставления первой и второй редакций «Истории Российской», но также сравнивая ее записи с сохранившимися летописями, устанавливая соответствие «татищевских известий» летописным рассказам по содержанию, идейной направленности и средствам литературного выражения. Поэтому Добрушкин поддержал основные наблюдения С.Л. Пештича, отметив уже в первой редакции «Истории» определенную беллетризацию известий использованных исторических источников, основательную переработку этих известий и текста первой редакции, их амплификацию во второй редакции «Истории». Он характеризовал «Историю Российскую» как оригинальное историческое произведение, в котором в соответствии с принципами стилизации и другими литературными приемами давался ответ историка на вопросы *что, как и почему* совершалось в России [Добрушкин Е. М. 1970. С. 280–290; 1972; 1976. С. 200–236; 1977. С. 76–96; и др.]. Л.И. Сазонова пришла к обоснованному выводу о литературной переработке Татищевым летописного текста о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Вследствие этого в его повествовании появилась внеисточниковая информация [Сазонова Л.И. 1970. С. 29–46].

Такие характеристики вносили новое конструктивное начало в статичное противопоставление двух крайних в своем содержании подходов к «татищевским известиям» — как к «изобретениям», «фальсификации» и как к информации несохранившихся источников.

Поддерживая данный исследовательский подход, Д.С. Лихачев предложил рассматривать «Историю Российскую» В.Н. Татищева как значительное явление в истории русской литературы и культуры XVIII в. Обобщая наблюдения над историей и литературой в первой половине XVIII в., он отметил новый конструктивный путь исследования «Истории Российской»

как исторического произведения в объяснении его литературной составляющей, свойственной историческим разысканиям того времени.

Д.С. Лихачев обратил внимание на особенности становления истории как науки в XVIII в., когда история и литература еще не различались «в полной мере» (в этой мысли он поддержал наблюдение М.В. Николаевой), а процесс их дифференциации продолжался, «но далеко не закончился». По наблюдениям Лихачева, историк «строгий» еще не разделял показания источников и собственное мнение, высказанное прямо и от своего имени. Он мог приводить неточные ссылки, а реконструкции смешивать с фактами [Николаева М.В. 1963. С. 151; Лихачев Д.С. 1971. С. 64–68]. Наблюдения Лихачева создавали новые условия для текстологического и историографического анализа «Истории Российской».

Впрочем, сохранилась традиция иллюстративного использования «татищевских известий». В ее основе находилась идея, в соответствии с которой В.Н. Татищев цитировал в «Истории Российской» несохранившиеся древние исторические источники [см.: Рыбаков Б.А. 1963. С. 341–345; 1971. С. 91–109; 1972; Кузьмин А.Г. 1963. С. 214–218; 1971. С. 53–63; 1973. С. 32–53; Милов Л.В. 1978. С. 76–94; и др.]. Такой подход к определению степени достоверности «татищевских известий» относился не только к древнерусскому периоду, но также к истории России XVII в. [историографический анализ см.: Валк С.Н. 2000. С. 444–451 (комментарии В.Г. Вовиной-Лебедевой); Вовина-Лебедева В.Г. 2004. С. 18–27, 132].

В историографии отмечается стремление ввести в изучение творчества В.Н. Татищева эмоциональные внеученные характеристики, такие как «доброе имя Василия Никитича как историка». Эти характеристики противопоставлялись «скептическому отношению к В.Н. Татищеву» [Николаева А.Т. 1963. С. 339]. Такое противопоставление создавало условия для снижения уровня научного анализа творчества В.Н. Татищева, для поощрения иллюстративного метода в историографическом и историческом исследовании, вело к подмене историографического и источниковедческого изучения отношением к личности Татищева. Сомнительность подобного противопоставления становится очевидной, если учесть, что критический метод относился не к личности Татищева, а к текстологии, тогда как аналитические, а не «скептические» наблюдения были сделаны великими знатоками исторических источников Н.М. Карамзиным, А.А. Шахматовым, другими выдающимися отечественными историками.

Текстологические доказательства в критике иллюстративного использования «татищевских известий» побудили А.Г. Кузьмина признать ее обоснованность. В данной связи он написал, стремясь сохранить хотя бы немногие из тех «древних» «татищевских известий», которые он считал достоверными: «В каждой погодной статье у историка соединяются и древние, и поздние тексты, а также, возможно, собственные редакционные пояснения или

сведения “снискательных о истории людей”. Трудность их размежевания побуждает воздерживаться от широкого использования “татищевских известий”, исключая случаи прямых указаний автора или достаточно надежных внутренних критериев древности записей, как это, например, имело место в отношении юго-западных известий второго и третьего десятилетий XII века» [Кузьмин А.Г. 1977. С. 130–131]. Впрочем, критический анализ он продолжал определять как «скептический», свойственный «эмпирикам» и позитивистам, тогда как положительные оценки, по его мнению, свойственны «приверженцам философской истории». Данные характеристики Кузьмин развил в противопоставление политическое, усматривая в разных подходах к текстологии «Истории Российской» «политические симпатии и антипатии отдельных авторов» [Кузьмин А. 1987. С. 337].

Такое признание достоверности «татищевских известий» методически продолжало «расслоение» летописей, которому следовали Б.А. Рыбаков и А.Г. Кузьмин. Оно не учитывало сформулированные А.А. Шахматовым еще в конце XIX в. принципы современного системно-структурного метода в изучении средневекового русского летописания как истории летописных сводов. Шахматовский метод доказал свою научную обоснованность и стал одной из основ последующего отечественного изучения летописания и текстологии. Поэтому в источниковедческой дискуссии о принципах изучения летописания метод «расслоения» летописей был подвергнут критике [Черепнин Л.В. 1972. С. 46–64; Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. 1973. С. 194–203; Зимин А.А. 1974. С. 454–464; и др.]. В нем был отмечен основной недостаток — субъективизм выделения отдельных летописных известий по месту или времени действия излагаемых событий, по упоминаниям в них определенных исторических персонажей, что становилось основанием для «реконструкции» некогда существовавших летописей в соответствии с современными авторскими предпочтениями.

Такой прием стал шагом назад в сравнении с системно-структурным текстологическим анализом. Он лишал своих последователей объективных критериев научного исследования. Между тем, простота выделения определенных летописных записей и их соединения в «летописи» и другие средневековые произведения продолжает провоцировать авторов к созданию таких «реконструкций» [Мачинский Д.А. 2003. С. 156–300; Майоров А.В. 2006. С. 321–343; и др.].

А.П. Толочко активно поддержал противоположный подход к «Истории Российской» В.Н. Татищева [Толочко А.П. 2005]. Его наблюдения совпали, в основном, с выводами С.Л. Пештича, С.Н. Валка, Е.М. Добрушкина, Дж. Броджи Беркофф. Толочко внес в них определенные дополнения и коррективы. Он установил, что «татищевские известия» содержатся не только во второй, но и в первой редакции «Истории Российской», в чем он присоединился к Добрушкину, и появлялись они в результате более чем двукратного обращения

Татищева к редактированию рукописи. По мнению Толочко, к летописным манускриптам Татищев обращался при написании лишь первой редакции, тогда как во время работы над второй он пользовался лишь их списками. Толочко дополнил изучение труда Татищева контекстом украинской историографии.

Впрочем, А.П. Толочко сформулировал свои наблюдения в крайне негативном для В.Н. Татищева и «Истории Российской» выражении. По его мнению, Татищев являлся фальсификатором и мистификатором, он «был заядлый писатель, с какой-то почти графоманской настойчивостью правивший и переписывавший вновь и вновь только что законченный текст», Татищев мистифицировал обстоятельства работы над «Историей Российской», реально существовавшие рукописи и им самим вымышленные. По словам Толочко, «Татищев лгал и об источниках некоторых своих летописей, и об их дальнейшей судьбе. “Раскольников” происхождение оказывается блефом. «Раскольников манускрипт» — «совершенная мистификация», а другие летописи, которыми пользовался Татищев, «виртуальны». Автором Иоакимовской летописи, по мнению Толочко, стал сам Татищев.

А.П. Толочко сопоставил труд Татищева со знаменитыми подделками в Англии XVIII в. для доказательства в нем «аутентизации вымысла», «подчас блистательного» мастерства «мистификации». По его мнению, в «мистификации» Татищева присутствуют «навязчивые идеи» (*idées fixes*) общественного договора, просвещения, верховенства светской власти над церковной, особого значения закона и законности, риторические приемы и ученые конструкции, которые проецированы историком из века восемнадцатого в Древнюю Русь [Толочко А.П. 2005. С. 46, 54–56, 59–60, 84–89, 154, 157–158, 196–245, 274–280, 382–422].

После такой интерпретации «Истории Российской» последователен вывод А.П. Толочко: «В качестве собрания источников она не представляет собой ничего ценного, но вот в качестве коллекции мистификаций представляется действительно выдающимся текстом». По его словам, Татищев «был историком достаточно хорошим, чтобы на заре критической историографии идентифицировать источниковые проблемы дисциплины и предвосхитить (или подсказать) многие будущие дискуссии — а кроме того, ему достало умения одурачить легковверных» [Толочко А.П. 2005. С. 522–523].

Мысли о Татищеве-историке как фальсификаторе, мистификаторе, о свойственных ему «навязчивых идеях» А.П. Толочко распространил на биографию автора «Истории Российской», которого характеризовал также как «коррупцированного чиновника», который едва не стал государственным преступником. Хотя в научной литературе было установлено, что обвинения Татищева были необоснованны, Толочко привел в подтверждение своего мнения не доказательства, а анекдот о его взяточничестве [Толочко А.П. 2005. С. 8, 250; ср. противоположные по содержанию наблюдения: Юхт А.И. 1985.

С. 121, 130–131 и след.]. При таких характеристиках Татищева вызывает сомнение намерение Толочко восстановить «репутацию Татищева-историка» [Толочко А.П. 2005. С. 523].

Обобщая сделанные наблюдения, можно отметить, что в новейшей исследовательской литературе сохранились традиции иллюстративного использования «Истории Российской» В.Н. Татищева как свода сохранившихся и ныне не сохранившихся летописей. Такой подход обычно сопровождается апологетическими характеристиками Татищева и его труда. Другой метод — гиперкритика и эмоциональность. Академический научный анализ в нем подменен широко распространенным в новейшее время стремлением написать сочинения на исторические темы посредством трансформации прежних суждений и введения в них противоположных знаков. Но при таком подходе сохраняется та же «внутренняя логика» повторения иллюстративного метода. Третий путь — комплексный критический анализ биографии Татищева и его творчества, в частности, как историка. Его необходимой составной частью является изучение редакций «Истории Российской». Еще в 1970 г. Е.М. Добрушкин и Я.С. Лурье наметили сложнейшую для выполнения обширную программу ее текстологического анализа. В ней устанавливались задачи: 1) сопоставление всех редакций и вариантов «Истории», сравнение их текстов с летописями, которыми пользовался Татищев и которые почти все сохранились; 2) выявление принципов отбора Татищевым текстов разных летописей для своего изложения, а также их соединения в повествовании; 3) выделение тех мест, которые позднее перерабатывались, определение принципов и содержания такой переработки; 4) после решения этих задач — анализ каждого из «татищевских известий» в соответствии с их содержанием, идеологией, стилем и языком для установления степени их соответствия летописным текстам [Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. 1970. С. 223]. Эти сложнейшие задачи не решены до сих пор и едва ли выполнимы, поскольку тексты необходимо анализировать по многочисленным рукописям «Истории Российской», а содержащаяся в них постоянная правка по большей части не подлежит датировке. Возможно лишь временное соотнесение татищевских рукописей «Предъизвещения», повествовательного событийного текста и комментариев.

Таким образом, биография В.Н. Татищева, его творчество как историка, содержание его работы над «Историей Российской» находятся в разной степени изученности и с противоположными по содержанию характеристиками. Поэтому следует продолжить анализ становления Татищева как историка в контексте его биографии, содержания его авторской и редакторской работы над нарративным текстом первой редакции «Истории Российской». Столь же существенно определить свойства второй редакции «Истории Российской» как научного исследования первой половины XVIII в. в контексте теоретических проблем исторической науки. Значительный исследовательский опыт, накопленный предшественниками, позволяет рассматривать при

анализе жизни и творчества В.Н. Татищева лишь основные факты, которые прямо или опосредовано влияли на процесс написания и содержание «Истории Российской».

Василий Никитич Татищев (1686–1750) принадлежал к старинному боярскому роду, происходившему от князей смоленских. Его родственник М.Ю. Татищев был воеводой в Архангельске; дочь М.Ю. Татищева вышла замуж за Ф.П. Салтыкова и стала матерью царицы Прасковьи Федоровны, с 1684 г. супруги царя Ивана V Алексеевича. При их дворе служили несколько Татищевых в чине стольников. В их числе с семилетнего возраста находился и Василий Никитич. Поэтому К.Н. Бестужев-Рюмин с полным основанием возражал против распространившейся в литературе характеристики Татищевых как «захудалого» дворянского рода [*Бестужев-Рюмин К.* 1882. С. 5–6].

Царица Прасковья Федоровна в 1693 г. стала матерью будущей императрицы Анны Ивановны. Петр Великий неизменно доброжелательно относился к своей овдовевшей в 1696 г. свойственнице, тогда как В.Н. Татищев являлся искренним и активным последователем петровских преобразований. Оба эти обстоятельства положительно воздействовали на его продвижение по службе. В 1730 г. он активно поддержал восхождение на престол Анны Ивановны, не только как сторонник сильной монархической власти, но и, вероятно, вследствие родственных связей с новой императрицей.

Петровские принципы воспитывали в людях, которые служили государю и Государству, новое чувство гражданственности и собственного достоинства. В.Н. Татищев был записан в «полковую службу» в 1701 г., но «для малых лет» ему была предоставлена льгота с 1701 по 1706 г. [*Захаров А.В.* 2008. С. 125]. Вероятно, он в это время учился в московской артиллерийской и инженерной школе, которой руководил Я.В. Брюс [*Корсакова В.* 1912. С. 332]. В 1706 г. Татищев получил чин поручика. Участвовал он в Полтавском сражении, во время которого был ранен. Во время передислокации полка в Киев Татищев имел возможность увидеть в 1710 г. древности Киевской земли. В 1711 г. его полк, который стал называться Азовским, находился в Азове и был включен в состав армии, осуществившей под командованием Петра I Прутский поход. В 1712 г. его полк был направлен в Польшу.

Храбрый боевой офицер, добросовестно выполнявший поручения своего начальства, попал в поле зрения царя. Так что с конца 1712 г. по 1716 г. В.Н. Татищев неоднократно направлялся за границу, в Германию и Польшу, для совершенствования в математике, артиллерийском деле, фортификации. Основательно он выучил за это время немецкий и польский языки. Добросовестная служба способствовала тому, что он стал непосредственным подчиненным Я.В. Брюса. Его руководство оказалось великолепной школой разносторонней административной и научной подготовки.

Петровская эпоха воспитала в В.Н. Татищеве мышление государственного деятеля. В неполные 33 года, он представил царю проект о межевании

земель и составлении ландкарт [Татищев В.Н. 1990. С. 44–45]. Этот проект предполагал урегулирование поземельных владельческих отношений, что должно было способствовать стабильности хозяйств. Осуществление этого проекта могло иметь значительные положительные экономические, социальные и внутривластные следствия. О его значимости для Российского государства свидетельствуют попытки такого межземельного регулирования в царствования Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Но реально оно начало осуществляться лишь полстолетия спустя после инициативы Татищева, с 1766 г. по середину XIX в.

Проект В.Н. Татищева основывался на определявших петровское царствование идеях общественного и государственного блага. При этом в соответствии с идеологией Петра Великого государь и Государство различались. Согласно теориям общественного договора и полицейского государства Татищев отождествлял заботу об общественном благе с деятельностью царя. Проект соответствовал также реальным усилиям Петра по модернизации Российской государственности [Татищев В.Н. 1990. С. 44].

Поскольку В.Н. Татищев, уже находившийся в звании капитан-поручика артиллерии, проявил организационные способности, преданность в службе государю и Государству, в январе 1720 г. Петр поручил ему руководство казенной горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. 31 марта того же года Татищев был произведен в капитаны. В этой должности он находился до 1723 г. Татищев стремился охранять государственные интересы и следовать принципам, сформулированным в проекте, недавно поданном им царю. Поэтому он вошел в жесткий конфликт с уже возведенным в наследственное дворянское достоинство уральским заводчиком Н.Д. Демидовым, который привык полновластно распоряжаться в своих владениях и подкупать чиновников. О мужестве и принципиальности Татищева свидетельствует то, что покровителями Демидова являлись могущественные князь А.Д. Меншиков и граф Ф.М. Апраксин. Пользуясь такой поддержкой, Демидов обвинил Татищева во взяточничестве. Но Высший суд при Сенате выслушал следственное дело в присутствии царя и Татищева оправдал, присудив Демидова к выплате крупного штрафа. Татищев был оставлен на Урале и в июне 1724 г. произведен в советники Берг-коллегии. Он продолжал участвовать в строительстве новых и реконструкции старых заводов, в составлении донесений в высшие органы государственного управления (Сенат, собственная канцелярия Петра — Кабинет, Берг-коллегия), а также наказов для управителей заводов. Таким образом, доверие Петра к Татищеву было в полной мере сохранено.

О том, что В.Н. Татищев успешно справлялся с возложенными на него поручениями, свидетельствует его миссия в Швецию по именному указу Петра Великого от 1 октября 1724 г. для найма там мастеров на металлургические заводы и обучения русских учеников горнозаводскому делу. Ему было также поручено ознакомиться с новейшими изобретениями в промышленности,

в частности в горнозаводском деле, выяснить размеры налога с владельцев медеплавильных и железоделательных заводов и т. д. [о биографии Татищева в начальный период его деятельности см.: *Попов Н.* 1861. С. 11–56; *Бестужев-Рюмин К.* 1882. С. 7–20; *Голендухин Л.Д.* 1964; *Юхт А.И.* 1985. С. 42–161; *Кузьмин А.Г.* 1987. С. 23–107].

Таким образом, уже в начале своей деятельности В.Н. Татищев под воздействием идей и преобразований Петра Великого с честью прошел путь служения государю и Государству до капитана. Подобно многим своим современникам он освоил многообразные знания в математике и инженерном деле, необходимые для дальнейшей военной и административной службы, которую исполнял творчески и самоотверженно, в полной мере справляясь со сложнейшими и ответственными заданиями, которые ему поручал Петр Великий. Татищев как офицер, администратор и начинающий общественно-политический деятель был воспитан в Петровскую эпоху и стал активным приверженцем петровских идей. Он много сделал для того, чтобы Россия в горнозаводском производстве преодолела экономическую отсталость от развитых западноевропейских государств и уже к середине XVIII столетия догнала Англию по производству железа, основного металла, необходимого для гражданских и военных нужд страны. Так что понятия прогресса и службы Государству были для него не абстрактными, а насыщенными конкретным содержанием.

К тому же времени относится становление В.Н. Татищева как историка. К занятиям историей и географией его побудил в 1719 г. Я.В. Брюс, которому для их исследования самому времени не хватало. Служебные обязанности по управлению казенным горнозаводским производством оставляли Татищеву мало свободного времени для исторических исследований, более предоставляя возможности для сбора исторических источников. Лишь во время полугодовой командировки в Швецию, с конца 1724 г. до весны 1726 г., он смог выделить время для посещения библиотек. Татищев ознакомился в них с историческими трудами Петра Петрея «История о великом княжестве Московском ...» (Стокгольм, 1615 г.) и Юхана Видекинда «История десятилетней войны Швеции и России с 1607 по 1617 г. ...» (Стокгольм, 1671 г.), которые он привез в Россию, с «Хроникой» М. Стрыйковского, с неизвестной тогда в России рукописью бежавшего в 1664 г. в Литву и оказавшегося в Швеции подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина (ок. 1630–1667), который сообщил много ценной информации о России середины XVII в., о ее дипломатических отношениях с другими странами в то время. Татищев видел в шведских библиотеках также один из списков Степенной книги, Соборное уложение 1649 г. с новоуказными статьями до 1692 г., Статут Сигизмунда III Вазы, короля польского и шведского (вероятно, хранящееся в библиотеке Упсальского университета издание 1619 г.), а также список с родословий русских князей и царей от Рюрика до Михаила Федоровича, лексиконы и книги духовного содержания.

В числе книг по гуманитарным дисциплинам, купленных В.Н. Татищевым в Швеции, — сочинения Петра Петрея и Юхана Видекинда, «История северных народов» Олауса Магнуса и другие книги, в которых повествовалось о России. Судя по составу купленных им в Швеции книг, а также тех книг, с которыми Татищев там ознакомился, можно заключить, что его интересовала в 1724–1726 гг. история России, в частности, новая и новейшая для его времени отечественная история.

В.Н. Татищев проявил интерес и к древним скандинавским памятникам письменности, которые начали активно исследоваться и публиковаться в Дании и Швеции с XVII столетия. Вскоре после своего прибытия в Швецию Татищев встретился с Ф.И. Страленбергом, с которым ранее был знаком в России. Видимо, Страленберг активно поддержал тогда намерения Татищева серьезно исследовать российскую историю. В письме от 2 января 1725 г. Татищев просил кабинет-министра И.А. Черкасова ходатайствовать перед императором, чтобы Страленберг мог посвятить Петру свой труд об истории России [*Татищев В.Н.* 1990. С. 104–105].

В.Н. Татищев встретился в Швеции и со знакомым, ранее интернированным в Москве ориенталистом Хенриком Бреннером, а также со специалистом в древнескандинавских древностях Э.Ю. Бьёрнером, который подготовил для Татищева переводы древнескандинавских источников, сообщающих о Руси. Впрочем, на работы Бьёрнера, посвященные древнейшей этногенетической истории Восточной Европы, отрицательно воздействовали построения О. Рюдбека (1630–1702), который, в частности, отождествил Швецию с Атлантидой [*Пекарский П.* 1864. С. 13–30; *Китнер Ю.Н.* 1997. С. 370–379, 394–395].

На изучение В.Н. Татищевым древнейшей истории Руси не повлияли скандинавские этногенетические построения того времени, находившиеся под значительным влиянием О. Рюдбека. Не воздействовал на Татищева и особый метод Рюдбека интерпретировать исторические источники не в соответствии с их информацией, а посредством поисков в них скрытого смысла и его метафорического истолкования [*Толстиков А.В.* 2007. С. 181–186]. Напротив, Татищев использовал пребывание в Швеции для того, чтобы ознакомиться с древнескандинавскими историческими источниками и использовать их сведения в своих разысканиях по истории России.

В.Н. Татищев первым из русских историков начал использовать в своих разысканиях древнескандинавское название Руси — Гардарики, Новгорода — Хольмгард, Ладоги — Альдейгьюборг, до того как к темам Руси и варягов по древнескандинавским историческим источникам обратился, уже находясь в России, Т.З. Байер. Из письма от 9 апреля 1725 г. Татищева к И.А. Черкасову следует, что Татищев не переставал заниматься в Швеции отечественной историей, учитывая также скандинавские исторические источники [*Татищев В.Н.* 1990. С. 106].

Вскоре, 14 мая 1725 г., В.Н. Татищев сообщил И.А. Черкасову, что он получил от секретаря коллегии древностей Э.Ю. Бьёрнера план, «известие краткое», по которому можно «выбрать» из древнескандинавских источников сведения о российской истории. Этот план, написанный на латинском языке, Татищев приложил к письму Черкасову, прося разрешения оплатить предстоящую работу. Кажется, этот план до сих пор не учтен в историографических исследованиях, посвященных творчеству Татищева. Поэтому целесообразно привести его полностью.

«Обзор сборника избранных отрывков российских древностей из Историй, преимущественно готских и исландских.

Гл. 1-я.

§ 1. О древности и разных местах пребывания скифских народов.
§ 2. О сарматах. § 3. О венедах. § 4. О славянах.

Гл. 2-я.

§ 1. О разделении северных стран. § 2. О первых местах пребывания русского народа и занятии им территории нынешнего государства. § 3. О древнем расположении России. § 4. О значении слова и обширности Гардарикии. § 5. О разделении Гардарикии в своих областях и провинциях, частью ее собственных, частью платящих ей дань, что дополнено географической картой, которая представила их древнее местоположение до XII в.

Гл. 3-я.

§ 1. О Холмгардии, или Колмогардии. § 2. О Булгарандии, или Водкумании, или Булгарии. § 3. О Мегинретии, или Иммератии. § 4. О Палтесции, или Плесковии. § 5. О Рефаландии, или Рефании и Резании. § 6. О Кианугардии, или Кименегардии. § 7. О Кириаландии, или Карелии. § 8. О Либердонии, или Ливонии. § 9. О Вириаландии, или Вирии. § 10. О Смаландии, или Смоленсковии. § 11. О Бьемландии, или Богемии. § 12. О Рафесталандии, или Ростовии. § 13. О Биалкаландии, или Биелския, также Ингрия. § 14. О Ормаландии, или Ермаландии, Ермии. § 15. О Серкландии, или Сиркассии. § 16. О Морсландии, или Морсии.

Всем этим землям указаны свои короли и графы и подробно излагаются их истории, начиная с рождества Христова до IX века.

Приложение.

О языке и торговле народов Северной Европы» (перевод наш. — М. С.).

После этого текста на латинском языке Татищев приписал по-русски: «Гардорики или град великий описуют близь Ладоги бывший по разорении онаго начат строить (?) Новогородикирки или Новгород Великий» [*Пекарский П.* 1864. С. 20–22].

Э.Ю. Бьёрнер выполнил заказанную В.Н. Татищевым работу [*Татищев В.Н.* 1990. С. 112, 380]. Рукопись, подготовленная им, не найдена. Но в приложении к письму от 9 июля 1725 г. в обоснование просьбы о финансировании этой работы Татищев привел по-русски изложение того, о чем Бьёрнер

уже написал. Представляется, что это изложение также не учитывается при анализе формирования исторической концепции Татищева. Между тем, это приложение к письму от 9 июля 1725 г. столь же важно для историографического анализа, как и план Бьёрнера относительно создания корпуса известий древнескандинавских источников о Руси и Восточной Европе.

Э.Ю. Бьёрнер утверждал, что исторические сведения древних авторов достоверны. Впрочем, европейскую историю он начал с разделения мира между сыновьями Ноя и происхождения древнейших народов от Магога, сына Яфета. Им названы также «готы или скиты по греческому диалекту». Бьёрнер исходил из того, что Скифия являлась древнейшим обобщающим названием широко понимаемых северных европейских народов. По его мнению, к потомкам скифов принадлежали позднее гиперборей, сарматы, веныды и славоны, которые «за один народ почитались». Все эти народы «и некоторое время по рождестве Христове» говорили на одном языке, скифском или готском. Позднее он «смешался» с греческим и латинским, появились «диалекты», так что возникли «разные языки».

В.Н. Татищев привел мнение Э.Ю. Бьёрнера, в соответствии с которым «россияне около V-го веку уже объявились». Древнейшие из них «роксоланы или московитяне были, но сначала в славонской земле жили». Бьёрнер отрицал, что россияне происходят от венетов, до пятого века они назывались «русаки», а их земля именовалась «Россия». По его мнению, «Россияне только около VIII-го веку названы от реки Русы или города Руса».

Как написал В.Н. Татищев, в сочинении Э.Ю. Бьёрнера «все российские цари, князи и бояры той земля от рождества Христова даже до XIV-го веку означены, яко же все их земли, война, коммерции и другие особливые договоры с пограничными государствами и княжествами вкратце изъяснены и описаны» [*Пекарский П.* 1864. С. 26].

Большая часть этого текста является изложением этногенетической теории по Э.Ю. Бьёрнеру. В его концепции уже в самом начале своих исторических исследований В.Н. Татищев ознакомился с наиболее распространенными в западноевропейской литературе мнениями о происхождении названия Руси. Позднее он определит свое отношение к этим суждениям.

Таким образом, находясь в Швеции, В.Н. Татищев не только ознакомился с ее книжными собраниями и приобрел там книги, необходимые для разысканий о российской истории. Он узнал о существенной для ее изучения информации древнескандинавских источников, а также о распространенных в среде шведских ученых этногенетических теориях, одна из которых в изложении Э.Ю. Бьёрнера, вероятно, была проанализирована им особенно хорошо.

Накопленные В.Н. Татищевым источниковые материалы, историческая литература, теории шведских историков побуждали его после возвращения из Швеции активно заняться в 1727 г. авторской работой по написанию «Истории Российской». В 1738 г. он сообщал в Коллегию иностранных дел

о своих занятиях русской историей: «Известно Государственной Коллегии, что древняя российская история во многих знатных делах и обстоятельствах темна и неисправна, что не токмо между разными писатели, но и одного об одном деле по разным местам разно писано, наипаче же в летах и званиях народов, якоже и владетелей не малые погрешности, которую я, с 1727 году начав, колико возможно, с европейскими, а паче с польскими и немецкими гисториками согласовал и несколько с латинскаго велел перевести, как то: Кромерова о Польше, Гельмолдиева и Арнольдова о славянах, Плиниева география, Кирхнеровы примечания о татарской хронологии, да с татарскаго две гистории переведены и в Академию посланы; да Академии просил, чтоб персицкой гистории находящейся тамо манускрыпт велели перевести моими деньгами, а ныне переводится Страбонова география с латинскаго и Абулгаси хана с татарскаго <...>» [*Попов Н.* 1861. С. 657–658].

Названные В.Н. Татищевым исторические сочинения, от античных до произведений XVI–XVII вв., свидетельствуют о том, что, начав писать в 1727 г. «Историю Российскую», он «согласовывал» информацию средневековых русских летописей и значительного числа иностранных исторических источников, а также трудов историков, западных и восточных (реально их число было существенно более значительным). Татищев хорошо знал содержание «Хроники» Мацея Стрыйковского и «Синописа». Русские летописи и обобщающие исторические произведения XVI–XVII вв., которые Татищев изучил основательно, подготовили его к решению написать обобщающий труд по истории России с древнейших времен до новейшего периода.

О том, насколько свободно В.Н. Татищев владел уже в 1730 г. материалами обобщающих компиляций XVI–XVII в., свидетельствует его справка И.Д. Шумахеру в письме от 17 декабря 1730 г. о произведениях, содержащих житие княгини Ольги — «Синопис», Степенная книга, Четьи Минеи. О намерении написать «Историю Российскую» до новейшего периода свидетельствуют предварительные очерки Татищева, посвященные российской истории от правления Ивана Грозного до регентства Софии Алексеевны [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 149–183].

Таким образом, В.Н. Татищев по инициативе Я.В. Брюса и в соответствии с объективными потребностями эпохи преобразований начал собирать исторические источники для изучения российской истории и исследовать эту сложную научную тему с 1719–1721 гг. Вероятно, в 1727 г. «Историю Российскую» он начал писать [данное мнение уже ранее высказывалось: *Пештич С.Л.* 1961. С. 228; *Свердлов М.Б.* 2009. С. 32–45; см. там же анализ новейшей литературы и исторических источников]. При этом уже на начальной стадии проявилась одна особенность разысканий Татищева — он не различал аутентичные древние исторические источники и более поздние произведения историков в XVI–XVII вв., использовавших эти памятники

письменности как источник исторической информации и осмысливших ее в соответствии с возможностями и задачами своего времени.

Во время династического кризиса 1730 г., вследствие которого воцарилась Анна Ивановна, В.Н. Татищев занял активную позицию в ее поддержку и против «кондиций» верховников. Как следует из его произведения «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственным», написанного в том же 1730 г. и позднее переработанного [Валк С.Н. 1979. С. 14–15], Татищев подтверждал концепцию сохранения самодержавной власти царя историческими примерами, превращая, таким образом, исторические события в историко-идеологическое обоснование современной политической теории. Уже тогда он кратко изложил собственную теорию отечественной истории от скифов, следуя западной традиции и «Синопису», до Петра Великого. В этом экскурсе установлены и основные периоды исторического развития России. Такое осмысление исторического процесса также может свидетельствовать о длительном периоде изучения Татищевым истории России, что подтверждает сделанные ранее наблюдения о начале его разысканий в 1719–1721 гг.

По В.Н. Татищеву, еще скифы имели «самовластных государей». «Совершенное единовластительство» существовало и в следующий исторический период, от Рюрика до Мстислава Великого (ум. 1132). Тогда «государство наше» занимало обширные пространства, народ был науками «довольно просвящен», а государство «богатилось» торговлей с Византией, северными и восточными странами. Иноземные государства «искали» «союза рускаго». Татищев указывал при этом на «истории» о «греках, венграх, поляках и немецких королях», на древнерусские династические союзы «с восточными и западными императоры, с королями Франции, Венгер, Норвегии, Швеции, Польши», что свидетельствует об уже изученных им русских и иностранных источниках XI–XII вв.

Следующий период, по В.Н. Татищеву, характеризуется господством удельных князей, «аристократии», «несогласиями», которыми они друг друга разоряли. Таким образом, он выделил и объяснил происхождение периода политической раздробленности Русского государства. Как его следствие Татищев указал «бессилие» великих князей перед завоеваниями «татар» и «Литвы». «И так пребывало государство в рабстве татарском более 200 лет», — обобщил Татищев основное содержание периода русской истории с 1240 по 1480 г. Следующий период он датировал временем от Ивана III до смерти Бориса Годунова. Этот период характеризовался, по Татищеву, «истреблением аристократии», восстановлением монархии, возвращением «многих земель» от «Литвы». «И так, — обобщил Татищев в соответствии с историко-политической концепцией Петра Великого, — государство прежнее свою честь и безопасность приобрело».

В.Н. Татищев с осуждением изложил основные события избрания Шуйского в период Смуты, а также воцарения Михаила Романова, поскольку

избрания царей и совершенные на них записи ограничивали власть государя. В правлении Алексея Михайловича он отметил, что царь, силою «часть самовластия возвратя», вернул России «многие пределы от Польши», и если бы не «властолюбивый» патриарх Никон, «то б, конечно, более пользы государство его самовластием приобрело». При таком содержании истории России как истории самодержавной власти ее высшим достижением становилась деятельность Петра Великого, который «большую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользы принес».

Эти исторические разыскания позволили В.Н. Татищеву сделать вывод, относившийся к событиям в России 1730 г.: «довольно всяк благоразсудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех протчих полезнее, а протчие опасны» [*Татищев В.Н.* 1979. С. 148–149].

В 1730 г. в связи с коронаванием Анны Ивановны и активной позицией в ее поддержку вопреки намерениям верховников В.Н. Татищев был повышен в действительные статские советники, что было равно званию генерал-майора и контр-адмирала. Эту благоприятную ситуацию Татищев попытался использовать для укрепления своих позиций в Петербурге, а также для столь необходимой реорганизации структуры Петербургской Академии наук и художеств [*Татищев В.Н.* 1979. С. 157]. Впрочем, в 1734 г. он был назначен начальником Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов, то есть реальным руководителем горнозаводского дела на Урале и в Сибири, и таким образом вследствие интриг Бирона удален из столицы.

В январе 1739 г. В.Н. Татищев был вызван в Петербург, где находился под следствием до августа 1741 г. Его обвинили в многочисленных преступлениях, в том числе во «взятках и обидах». Видимо, гонителем его по-прежнему являлся Бирон, как об этом писал Татищев в челобитных императрице Елизавете Петровне в 1742 и 1745 гг. Косвенно о том свидетельствует прекращение дела Татищева после ареста Бирона 9 ноября 1740 г., уже в правление Анны Леопольдовны, а также его назначение 31 июля 1741 г. на должность начальника Калмыцкой экспедиции с резиденцией, находившейся в Царицыне.

Когда императрица Елизавета Петровна назначила В.Н. Татищева на должность астраханского губернатора, она и новое высшее государственное руководство учли его значительный опыт в военно-административном управлении сложными в экономическом, социальном и политическом отношении южными регионами европейской части России. По указам от 15 декабря 1741 г. и 15 июля 1744 г. Татищев был освобожден от ряда обвинений, так что он находился в этой должности до своей опалы в ноябре 1745 г., когда должен был отправиться в свое имение Болдино и находиться там безвыездно. Прибыл Татищев в Болдино весной 1746 г. и пребывал там под надзором, установленным Сенатом [о происхождении обвинений см.: *Валк С.Н.* 1971. С. 208–210; *Свердлов М.Б.* 2009. С. 49–51].

Ответственные должностные обязанности постоянно отвлекали В.Н. Татищева от работы над главным трудом его жизни — «Историей Российской». Только в Болдино он смог сосредоточенно над ней работать вплоть до своей смерти, последовавшей 15 июля 1750 г.

В долгом процессе написания В.Н. Татищевым «Истории Российской» изменялось содержание работы над ней.

Как сообщил В.Н. Татищев в специально подготовленном в 1739 г. в Петербурге «Предъизвещении» к своему труду для ознакомления с ним членов Академии, а потому переведенном на немецкий язык, он решил «написать русскую историю в четырех частях до времени ныне благополучно правящего рода Романовых». Татищев собирался ее первую часть посвятить древнейшей этногенетической истории, от разделения Земли между сыновьями Ноя и далее, от скифов и сарматов до Рюрика. Во второй части в соответствии с древнерусскими летописями следовало изложить историю Руси «от владения Рюрика или смерти Гостомысла» до нашествия Батгя. Содержание истории российской раскрывалось в третьей части «от пришествия татар» до «восстановления древней монархии первым царем Иоанном Великим», то есть до вокняжения Ивана III Васильевича в 1462 г., в четвертой — «до восшествия на престол царя Михаила Федоровича», до 1613 г. [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 59; о структуре «Истории Российской» см. также: *Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 36, 38; 1962. Т. 1. С. 89].

Особые сложности для В.Н. Татищева представило написание первой части. Оно предполагало изучение произведений античных авторов. Поэтому он временно отложил работу над ней и начал писать вторую часть [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 38; *Валк С.Н.* 1968а. С. 30]. В истории текста «Истории Российской» вторая ее часть стала первой из четырех, которая активно перерабатывалась автором и которая была представлена автором для обсуждения читателям в рукописи. Трудиться над третьей частью он решил в 1739 г. [письмо В.Н. Татищева И.Д. Шумахеру от 21 ноября 1739 г.: *Татищев В.Н.* 1990. С. 276]. Работа над ней, как и над четвертой частью, продолжалась до его кончины, но не была завершена [*Валк С.Н.* 1965. С. 10].

Предшествующие источниковедческие наблюдения позволяют предположить таким процесс работы В.Н. Татищева над своим основным историческим трудом, «Историей Российской».

Когда В.Н. Татищев прибыл в январе 1739 г. в Петербург для отчета о своей деятельности в должности начальника Оренбургской экспедиции, с ним находилась рукопись второй части его труда. Она содержала составленный на основании перечисленных Татищевым летописей текст, который сам он назвал «собрание из древних русских летописцев» или «летопись». Татищевым были подготовлены также примечания на ее «некоторые места» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 85; 1968. Т. 7. С. 53; *Валк С.Н.* 1964. С. 13].

Находясь в Петербурге до августа 1741 г., В.Н. Татищев обсуждал подготовленный им текст со знатоками русской истории. В их числе находились

А.П. Вольнский, придворный архитектор П.М. Еропкин и капитан флота, советник Экипажной конторы А.Ф. Хрущов, которые предоставили ему для прочтения принадлежавшие им рукописи. Во время пребывания в Петербурге Татищев продолжал работать над первой редакцией «Истории». Но к отъезду из Петербурга к месту назначения в соответствии с указом 31 июля 1741 г. в должности начальника Калмыцкой экспедиции он первую редакцию «Истории» не завершил, хотя уже в начале этого года думал об оформлении будущего ее издания [*Татищев В.Н.* 1990. С. 278].

Первую редакцию второй части В.Н. Татищев закончил только к 1746 г. Впрочем, как следует из письма Татищева от 1 мая этого года И.Д. Шумахеру, труд устарел потому, что написанную на древнерусском и стилизованным под него языке «Историю» он «переписал» на «нынешнее наречие». По его словам, она «гараздо яснее, ибо многое из Степенной [книги] для прикрасы речения беру», к тому же он собирался дополнить «Предъизвесчение» и примечания [*Татищев В.Н.* 1990. С. 320].

В письме от 24 августа 1746 г. президенту Академии наук К.Г. Разумовскому В.Н. Татищев сообщил, что первая часть уже «в краткости сочинена». Вторая часть «от многих русских манускриптов древним наречием сочинена и от иностранных примечаниями изъяснена». Она уже переписана набело. Осуществлено и ее переписывание «настоящим наречием и яснейшим слогом» самим Татищевым «с прибавкою многих изъяснений». Теперь следовало переписать ее набело [*Татищев В.Н.* 1990. С. 320–321]. Таким перебеленным экземпляром, отправленным в начале 1747 г. в Академию наук, но также с авторскими дополнениями на полях, стала рукопись Библиотеки РАН [БАН. 17.17.11]. Себе он оставил черновой вариант, написанный двумя переписчиками, но на три четверти — самим В.Н. Татищевым [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 647; описание этих рукописей и анализ работы Татищева над рукописями второй редакции «Истории Российской» см.: *Валк С.Н.* 1963. С. 9–17; 1964. С. 17–18].

Одновременно с работой над «Историей Российской» В.Н. Татищев писал труды, посвященные или отечественной истории, или темам, которые расширяют изложение исторических событий. Еще в 1725 г. он опубликовал в Швеции на латинском языке статью, посвященную изучению мамонта. Она стала единственной прижизненной публикацией Татищева. Между тем, в соответствии с петровскими принципами он занимался историческими разысканиями не для собственной славы, но для пользы России. Он участвовал в обсуждении опубликованного в 1732 г. проекта Г.Ф. Миллера об издании источников по русской истории и написании истории России. К 1733 г. относятся примечания Татищева на изданный в Стокгольме в 1730 г. труд Ф.И. Страленберга о России, содержащий не только ценные наблюдения, но также ошибки и субъективные суждения, которые не могли не вызвать его возражений. Позднее, в 1738 г., по его инициативе были переведены в Самаре три главы книги Страленберга и с поправками Татищева отправлены в Пе-

тербургскую Академию наук. В 1730 г. он написал «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», где отстаивал светские основы научного познания мира, определяя Россию в едином научном пространстве. Завершил он работу над этим трудом в 1733 г.

К 1734 г. относится открытие В.Н. Татищевым Судебника 1550 г. Тогда же Татищев начал его исследование, так что уже в следующем году он смог его представить в Академию. В 1735 г. Татищев собирал материалы и по истории России XVII в. Особой темой, относившейся к XVII столетию, стали позднее разыскания Татищева «О браках и коронациях прежних государей».

В 1735 г. В.Н. Татищев предложил Петербургской Академии наук перевести «древние церковные истории», прежде всего византийские, изданные во Франции и Англии, а также сочинения церковных писателей. В конце этого года он послал в Академию изданный в царствование Ивана Грозного Судебник 1550 г. со своими комментариями. Он одобрил намерение Академии опубликовать Уложение 1649 г. и предложил конкретный план издания этого юридического памятника с дополнениями в виде новых указов. В 1738 г. Татищев продолжил изучение Судебника 1550 г. и дополнительных статей к нему. Одновременно он исследовал Краткую Правду Русскую, открытую им в составе НПЛмл. Тексты этих памятников права и указов, дополнительных к Судебнику, составили «Собрание законов древних русских», которое он в письме к Шумахеру от 14 января 1740 г. предполагал в будущем издать. При этом, в соответствии с планом Татищева, публикация должна была стать первой частью основных видов средневековых русских юридических памятников: «II часть может духовные великих князей сделать, в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси. И так оны[e] ис таких вещей собирать, которые в гисториях вносить неудобно. А сверх того можно обстоятельнее на словах изъяснить, когда изволите время назначить» [*Татищев В.Н.* 1990. С. 276].

К осуществлению такого плана отечественная историческая наука была еще не готова. Он стал реализовываться лишь через 40 лет, уже в новую эпоху Просвещения в России 1773–1775 гг. в многотомном издании Н.И. Новикова «Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев». Новикову в этом издании помогали выдающиеся знатоки средневековой русской письменности Г.Ф. Миллер и князь М.М. Щербатов.

В связи с работой над «Историей Российской» В.Н. Татищев составил пасхалию, а также список святых и дней их почитания, о которых шла речь в Минеях, Прологах, святцах и других памятниках древнерусской письменности. Особое внимание в 40-е годы он уделял написанию «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского». Этот «Лексикон» должен был быть аналогичен подобным справочным изданиям, уже

существовавшим в западноевропейской литературе, которыми пользовался и сам Татищев. «Лексикон» был написан до буквы *К* включительно. В случае завершения и опубликования он мог бы стать ценным справочным пособием.

Все это время В.Н. Татищев находился в переписке с руководством Академии наук, с ее президентами И.А. Корфом и К.Г. Разумовским, с ее административными руководителями — И.Д. Шумахером и Г.Н. Тепловым, которые поддерживали его занятия российской историей. Первая часть его «Истории Российской» была положительно оценена М.В. Ломоносовым. По просьбе Шумахера он написал посвящение этого труда великому князю Петру Федоровичу. Но и Татищев дал положительный письменный отзыв о первой главе «Сибирской истории» Г.Ф. Миллера, когда Шумахер прислал ему эту работу в надежде получить от него отзыв отрицательный. Впрочем, положительный отзыв не помешал Татищеву отметить в труде Миллера ошибки и неточности [Андреев А.И. 1951б; 1962. С. 13–37; Валк С.Н. 1979. С. 5–8, 26–32].

Тридцатилетний период работы над «Историей Российской» в контексте многообразной государственной службы, постоянных интенсивных трудов в совершенствовании знаний в гуманитарных дисциплинах и географии имели следствием взаимное обогащение идеями всех видов деятельности В.Н. Татищева. Но по тем же причинам он не подготовил к изданию свой главный исторический труд — «Историю Российскую». Между тем, его общественно-политические и исторические произведения с учетом их источниковедческого анализа позволяют продолжить изучение вклада Татищева в процесс становления и развития исторической науки в России.

В.Н. Татищеву, человеку петровской формации, было очевидно особое значение Петра Великого в отечественной истории. Он узнал о смерти императора, когда находился в Швеции, и предложил известной шведской поэтессе Софии Бреннер написать стихи в память почившего царя. Для того чтобы стало ясно содержание будущего произведения, Татищев кратко обобщил итоги петровского царствования. В том, что он написал для Бреннер, отразились не только понимание произошедших исторических событий их участниками сразу после кончины императора, но также основное содержание самоидентификации этих участников с петровской эпохой. При этом Татищев вносил в начала осуществлявшихся Петром проектов их завершенность, что следовало принципам классицизма в изображении героя как воплощенного идеала.

Как написал В.Н. Татищев в записке для С. Бреннер вскоре после смерти Петра, не позднее 9 апреля 1725 г., император побеждал «паче благоразсуждением и храбростию, нежели силою». Своим союзникам и «приятелем» он был защитником и «охранителем». Петр создал на четырех морях мощный военный флот, строил «великие города» и систему сообщений посредством каналов и сухопутных путей. Он был не только «ученых людей великий любитель и защитник», но и сам «превзошел» «многия искусства». Несмотря на тяжелую и долгую войну Петр свое государство обогатил, способствовал

развитию мануфактур и купечества, «вольные науки и искусства открыл, суеверие опроверг; доброе правление, духовное и светское, в пожеланное состояние привел; правосудие во всем государстве в высшие степени оставил, а мздоимство и неправости прилежно искоренял», расширил пределы государства и оставил страну «во всякой желаемой тишине и покое» [Татищев В.Н. 1990. С. 107; Китнер Ю.И. 1997. С. 384–386].

Такое определение В.Н. Татищевым основного содержания петровской эпохи как времени достижений в экономической, государственной, правовой и интеллектуальной жизни соотносилось с татищевскими жизненными принципами, его общественно-политическими и философскими взглядами.

В «Духовной» он следует популярной в петровское время теории общественного договора, разделения государя и Государства, «общественной пользы»: «В службе Государю и Государству должен ты быть верен и прилежен во всяком положенном на тебя деле, так о пользе общей, как о своей собственной, прилежать <...>». В соответствии с петровским принципом дворянин, по В.Н. Татищеву, должен был служить, а не предаваться «своевольству», безделью, пьянству и прочим порокам. Он назвал три возможных вида службы дворянина государю и Государству. Первая из них — военная. «Другая служба» — на гражданских должностях. Она «согласована» «с пользой государственною». Но Татищев решительно предупредил сына против третьей «службы» — придворной. В последнем случае пример для него — Петр Великий, который «великолепие единственно делами своими показывал, сей чин придворных ни во что вменял и в рангах их не токмо на конце, но весьма ниски положил, и у него оные весьма в презрении были <...>» [Татищев В.Н. 1979. С. 140].

Свои предпочтения в философских концепциях В.Н. Татищев обозначил в «Истории Российской»: «А что касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных, оное собственно принадлежит до философии в частях морали, или нравочения, закона естественного и политики, которое от разных философов достаточно на разных языках описано и, по моему мнению, Христиан Вольф лутче протчих, т. е. кратко и внятно, предал». Вероятно, Татищев постоянно читал философские труды Вольфа. Несколько таких его произведений находились в библиотеке Татищева и в последний период его жизни в болдинской ссылке [Валкина И.В. 1966. С. 77].

В.Н. Татищев одобрил свойственную Х. Вольфу умеренную интерпретацию теории естественного права. Она подразумевала божественные основания всех творений, но вместе с тем и возможность достижения всеобщего благополучия. Философия Вольфа привлекла внимание Татищева, видимо, и потому, что ее аналитические принципы противостояли столь распространенному ханжеству в светской и религиозной жизни. В этом вольфианская философия совпадала в России с петровской традицией. Учение Вольфа о *возможном* и *непротиворечивом* становилось логическим основанием для их интерпретации как *действительного*.

Дж. Броджи Беркофф проследила в татищевской «Истории Российской» совпадения с идеями теории Х. Вольфа о войне и мире, о предпочтительности для правителя мирной жизни, чтобы страна богатела, тогда как война приносит уменьшение численности населения и скота (ранее о том же писал Ю. Липсий, с трудами которого Татищев был хорошо знаком). Она отметила в «Истории Российской» влияние и других идей Вольфа: война как средство разрешения конфликтов, необходимость использования всех мирных средств, чтобы избежать военных действий, большое значение хороших советников для князя и для страны, тогда как правители должны быть для своих стран как отцы своих домов, равное значение для государственной администрации и правосудия гражданских и религиозных принципов, что было свойственно западноевропейской идеологии XVII в., основанной на авторитете религии и гражданского права.

Значительны совпадения идей В.Н. Татищева с рассуждениями Х. Вольфа о пользе обучения молодых людей, предназначенных для будущей службы в структурах государственной власти или для содействия подъему экономического и политического могущества страны. Оно выражалось, по Вольфу, в развитии промышленности, ремесел, международной торговли. А для этого необходимы были искусные иностранцы и свои обученные люди. Чтобы избежать бедствия и эксплуатации одних людей другими, правительство должно обеспечить работой каждого трудоспособного человека в своем государстве. Хорошо организованное государство должно регулировать численность работников в разных отраслях экономики, чтобы обеспечить производство природными и произведенными товарами, а также внутренний и внешний обмен в стране такими товарами. По Вольфу, столь же важны налоги для достойным образом организованного государства. Но они должны быть соразмерны с доходами народа, чтобы избежать жалоб, смут и несчастий.

Во многом близкие идеи, прежде всего, в отношении «правильного» государственного устройства, деятельности правителя и его советников Дж. Броджи Беркофф выявила и в трудах Ю. Липсия. В частности, он придавал особое значение знанию в делах человеческих (*prudential in humanis*) — опыт (*usus*), знание истории (*memoria regum*), справедливое и обоснованное суждение (*iudicium*), *virtus*, прежде всего в значении *благочестие* (*pietas*), а на втором месте — добродетель князя, которая подразумевает четыре основополагающих элемента — справедливость (*iustitia*), милосердие (*clementia*), вера (*fides*), умеренность (*modestia*). Броджи Беркофф проследила отражение или переосмысление этих идей в «Истории Российской». На основании таких наблюдений она отнесла личность Татищева скорее к XVI–XVII вв., т. е. к минувшей эпохе Возрождения и рационализма [Brogi Bercoff G. 1986. P. 374–420; 1988. P. 343–344, 347, 348, 351–358].

Эти идеи В.Н. Татищев излагал как в своих общественно-политических произведениях — «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собрав-

шегося шляхетства русского о правлении государственным», «Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах», в наставлении сыну — «Духовной», так и в «Истории Российской», вкладывая их в уста исторических персонажей X–XIII вв. В такой форме изложения идей Дж. Броджи Беркофф также предположила следование Татищева принципу Ю. Липсия: «Историки <...> дают наставления тайно и открыто: часто в самом повествовании или вне его в собраниях <...>» [*Brogi Bercoff G.* 1988. P. 342].

Продолжая излагать свое мнение о распространенных в его время философских и общественно-политических теориях, В.Н. Татищев решительно осудил в первой части второй редакции «Истории Российской», над которой он работал во второй половине 40-х гг., уже находясь в ссылке, труды «Государь» Никколо Макиавелли, «Левиафан» Томаса Гоббса и «Трактат об управлении» («*The treatise on government*»; Татищев назвал этот труд «Правление гражданское») Джона Локка. По мнению Татищева, сторонника монархической власти, эти и подобные им книги «не потребные со излишком», «более вредительные, нежели полезные». Вследствие воздействия их идей у людей «неразумных странные, с мудростию и пользою государства несогласные разсуждения произносятся, а некоторые, с великим их собственным и государственным вредом, на непристойное дерзнули» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 359]. То есть, находясь в ссылке, он заявлял о сохранении своей лояльности действующей государственной власти.

В этих характеристиках ясно прослеживается осуждение В.Н. Татищевым идей, которыми, вероятно, увлекались члены кружка А.П. Волынского. Он отказался от критики изображенного Макиавелли самодержавного государя, который использует безнравственные методы для утверждения своей власти и для достижения собственных целей в своей стране и в международных отношениях. Осудив основной философский труд Гоббса, Татищев отказался от его идей не только прав, но и обязанностей государя, власть которого делегирована обществом, что предполагало право подданных на неповиновение, если эта власть не защищает их от внутренних и внешних врагов.

Тем более неприемлемой стала для В.Н. Татищева общественно-политическая концепция Джона Локка, обобщившая английские традиции «Великой хартии вольностей» и парламента, а также преобразования в Англии в результате революции 1640–1660 гг. и «славной революции» 1688–1689 гг. В соответствии с концепцией Локка, государство — не только следствие договора граждан для защиты их личности и собственности посредством соблюдения законов. Граждане должны подчиняться закону, а не произволу деспотической власти. В случае нарушения этой властью договорных отношений народ может требовать возвращения своего верховного права для создания нового правительства, которому будет передан суверенитет. Концепция Локка считается одним из теоретических оснований современного парламентаризма, разделения законодательной и исполнительной властей.

В своем понимании исторических процессов В.Н. Татищев руководствовался умеренными философскими и общественно-политическими теориями. Кроме ранее рассмотренных идей Х. Вольфа, изложенных в книге «Политика, или разумные мысли об общественной жизни людей», это были популярные тогда труды «О праве войны и мира» Гуго Гроция и «О праве природы и народов» Самуэля Пуфендорфа [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 361]. Эти философы являлись сторонниками теории естественного права. В отличие от средневековых теистических теорий Гроций выделил существование права естественного, отличного от права божественного. Оно регулировало общественные отношения и определяло нормы безопасности общества в его конкретных формах организации. В отличие от естественного права божественное право, по Гроцию, относилось ко всему человечеству.

В.Н. Татищев руководствовался также принципами философии С. Пуфендорфа. В соответствии с ними отношения между людьми и право регулируются определенными правилами по законам разума. Воля людей, выраженная в общественном договоре, является основой создания государства, которое использует силы и способности своих граждан для достижения внутреннего мира и внешней безопасности. Государство должно быть терпимым к религии и науке, но церковь должна управляться в отношениях к государству на началах коллегиализма. Сам Пуфендорф был сторонником деизма, «естественной религии», которая не ограничивала развития наук.

Эти философские и общественно-политические концепции имели для В.Н. Татищева практическое значение. Руководствуясь ими, он излагал основное содержание исторического процесса во всемирной и, в частности, российской истории как Верховному тайному совету в 1730 г., так и в конце своей жизни будущим читателям «Истории Российской».

Готовясь к самостоятельному анализу «древнего правительства русского», В.Н. Татищев изучил исторические и теоретические труды Х. Вольфа, С. Пуфендорфа, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Т. Боккалини (в порядке перечисления Татищевым). Но этих авторов он лишь упомянул, приводя собственную историческую концепцию, которая учитывала предшествующий исследовательский опыт.

По мнению В.Н. Татищева, историческое развитие общества и системы управления начиналось с семьи, в которой «начальство» и «власть» принадлежали мужчине по его объективной «способности» в «проворстве, искусстве и силе или возможности». Жена является его помощницей, а дети и сироты должны относиться к родителям и воспитателям с «благодарением». Такая патерналистская система стала основой «правительства монархии»: «Монарх яко отец, а подданные яко чада почитаются, каким бы порядком оное ни учинилось». С ростом населения эти принципы утвердились в праве старшего повелевать, а младших — все повеления исполнять. Так образовалось «третье сообщество домовное», которое состояло из господина и

его «служителей», или холопов. При этом Татищев проницательно указал на отличие раба от холопа. Холоп находится в зависимости «по договору на время договорное», раб — «невольник вечный и наследственный». Эти первые в российской исторической науке определения холопов и рабов, пока только юридические, тем более важны, что позднее, во второй половине XVIII в., появилась традиция без научных дефиниций считать всех холопов рабами.

Следующим историческим этапом, по В.Н. Татищеву, стало объединение этих «хозяйских сообществ» в города. Татищев объяснил появление городов материалистическими причинами: возрастание опасности вследствие «умножения» «зависти, ненависти и злости в сердцах нечестивых», потребности развивающихся ремесла и торговли. При этом он обоснованно объяснил этимологию слова «город» от возведенных городских укреплений — «от ограждения град имяновали».

Появление «начальства», власти, В.Н. Татищев рассматривал как продолжение и развитие особого положения супруга в семье «для распорядка правления и повеления», а также как следствие объединения селений и «городков» в союзы. Эти материальные процессы стали причиной «перемены» правления: «выбрав неколико способнейших, к правлению определить, им полную власть повелевать и учреждать поручили, протчия же все в подвластии и послушании остались». Так он объяснил возникновение аристократии. Необходимость «избрать единого способнейшаго и достойнейшаго к правлению, которому всю власть поручили, дабы он о пользе общей прилежал», стала причиной появления монарха, «единовластителя». Последующую историю политической власти он рассматривал в соответствии с началами, сформулированными еще Аристотелем, как монархия, аристократия, демократия или их варианты как «смешанные правительства». Обобщая опыт реформ первой половины XVIII в., своего участия в государственном управлении и политической жизни, Татищев пришел к выводу, что для России с ее обширными просторами, «открытыми границами», «а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благонаравия, в должности содержатся <...> нужно быть монархии».

Конкретизируя далее историю политической власти в России с древнейших времен до XVIII в., В.Н. Татищев проанализировал ее в контексте всемирной и в частности европейской истории. По его мнению, когда славяне пришли на территорию Руси «из Вандалии», у них были «славянские государи». Когда их мужское наследование пресеклось, варяг Рюрик принял «наследственно и по завещанию престол русский», утвердив «самовластие», т. е. единоличную форму правления. При этом Татищев вслед за древнейшими летописными сводами, сохранившимися в составе внимательно прочитанных им Петровской копии Радзивилловской летописи и НПЛмл., не упомянул легендарного Гостомысла как «славянского государя», по совету которого призвали варяга Рюрика. Этот период продолжался до кончины Мстислава,

сына Владимира Мономаха, хотя, по Татищеву, его предшественники «немало удельных князей под собою имели, но их в довольном страхе яко подвластных содержали, и наследие престола шло порядком первородства или по определению государя». После смерти Мстислава Владимировича, т. е. после 1132 г., вследствие распри наследников и разорения «князи, бывшии прежде под властью, так усилились, что великого князя за равного себе почитать стали, и ему ничто более, как титул к преимуществу остался, а силы никакой не имели». «И тако, — обобщил Татищев, — учинилась аристократия, но безпорядочная».

Таким образом, по мнению В.Н. Татищева, на Руси во второй половине IX — первой половине XI в. установилась великокняжеская власть. Во второй половине XI — первой трети XII в. существовала тенденция к усилению местных князей, но она сдерживалась великокняжеской властью. Со второй трети XII в. она утратила свою роль вследствие особого значения местных князей. Как следует из этих наблюдений, Татищев установил начало в это время особого периода политической раздробленности Руси, названного им «аристократия». Этот вывод крайне важен. Он совпал в своем содержании с наблюдениями французских историков второй четверти — середины XVIII в., в соответствии с которыми тот же процесс происходил и в средневековой Франции. Но там определяющее значение в ослаблении королевской власти приобрела крупная землевладельческая знать. Этот период вслед за французскими просветителями, Ш. Монтескье, авторами «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера, Ф.М. Вольтером, стал называться феодальным, что было продолжено в самых разных научных направлениях исторической науки в XIX—XX вв. [*Свердлов М.Б.* 1996а.]. Особенность интерпретации Татищевым этого периода заключалась в том, что под «аристократией» он понимал русских князей. По его мнению, негативные следствия такого правления были увеличены междоусобной кровопролитной борьбой князей. Он установил также подобие между княжескими съездами на Руси конца XII — начала XIII в. и средневековыми германскими княжескими съездами.

Вследствие всех этих причин, продолжил В.Н. Татищев изложение основного содержания русской истории, Батый своим нашествием смог «все разорить и под власть свою покорить, а чрез то самодержавство, сила и честь русских государей угасла». К тому же литовские князья подчинили многие русские княжества и стали писаться князьями литовскими и русскими. Татищев отметил и появление на Руси новой формы политического строя: Новгород, Псков и Полоцк, «учиня собственные демократические правительства, також власть великих князей уничтожили».

Период «аристократии», внутренних княжеских распрей и «демократических правительств», «власти татарской», по мнению В.Н. Татищева, продолжался до правления Ивана III, когда было восстановлено великокняжеское единовластие — «совершенная монархия». Правление и войны Василия III и

Ивана Грозного были успешными, но Ивану Грозному «некоторых безпутных вельмож бунты и измены» помешали удержать «завоеванную Ливонию и часть немалую Литвы». В правление Василия Шуйского вельможи ограничились властью царя и «так монархию совокупили с аристократиею», а после лишения Шуйского власти вновь была установлена «сущая аристократия» — семибоярщина. Как следствие этого государство пришло «в такое крайнее разорение и упадок», что оно «едва на части не разделилось, а поляки всем не овладели», тогда как «шведы и поляки многие пределы оторвали». Этот исторический анализ имел для Татищева не только научное, но и практическое значение. Как он написал, «<...> и я при случае несогласия о правительстве 1730-го Верховному Тайному совету в представлении пространно изъяснил»

Такое краткое изложение основных событий отечественной истории было важно для обобщающего вывода В.Н. Татищева, совпадавшего с его общественно-политической позицией: «Из чего всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалются и гинет».

Последующую историю российской государственности В.Н. Татищев охарактеризовал как восстановление самодержавия при Алексее Михайловиче и Петре Великом, а также попытки его ограничить патриархом Никоном, А.Д. Меншиковым и «верховниками». Этот исторический опыт был учтен Татищевым и в борьбе с «верховниками», когда была восстановлена «шляхетством» монархия «к пользе, силе, чести и славе государя и государства» — самодержавная власть императрицы Анны Ивановны [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 360–368].

Данное определение В.Н. Татищевым своих философских и общественно-политических взглядов в связи с изучением истории России свидетельствует о том, что он исследовал ее, а также писал «Историю Российскую» как историк, политик и мыслитель, который руководствовался монархическими, абсолютистскими идеями, свойственными Петру Великому и его сподвижникам. Они не могли не воздействовать на содержание «Истории Российской».

Теоретические взгляды В.Н. Татищева на историю как науку соответствовали концепциям его времени. Исторические события он рассматривал не только как свершившиеся факты, но также в определении их внутренних причин и «внешнего действия». Основное содержание исторической науки Татищев подразделил на четыре основных отрасли: 1) священная история, но, уточнил он, «лучше сказать божественная», 2) церковная, 3) светская история, а также 4) наук и ученых. В определении ее основного назначения он следовал древнему принципу — «история учительница жизни», а потому утверждал: «никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может».

В периодизации исторического процесса и в характеристиках исторических трудов В.Н. Татищев исходил из западноевропейской традиции, восходившей к историографии Возрождения и эрудитов XVII в. В светской истории он выделил исследования «генеральные и универсальные», обобщающие всемирный исторический процесс. Другие труды посвящены изучению «древних, средних и новых» «времен». Такой анализ свидетельствует о том, что Татищев творчески использовал передовые исследовательские идеи, выделявшие средние века и новое время в качестве особых исторических периодов. Вместе с тем, конкретное изучение российской истории позволило ему установить существование в ней особой эпохи — «аристократии», которую стали называть в исторической науке «феодальной», «феодальным правлением». Это открытие Татищева свидетельствовало о том, что Россия и в средние века развивалась по тому же пути, что и другие страны Европы.

Третий вид исторических разысканий В.Н. Татищев характеризовал как «участные и особинные». Для них свойственно изучение истории по конкретным землям в ее конкретных периодах, по правлениям «государей», или соединение погодного изложения событий в конкретных землях с деяниями их «государей».

В максимально насыщенном идеями «Предъизвещении» ко второй редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев обратил особое внимание читателей на необходимость изучения русской истории. Но, как человек Петровской формации и европейски образованный, он видел, что Россия в настоящем и прошлом являлась составной частью всеобщих исторических процессов. Поэтому Татищев писал, что «без знания иностранных (истории и географии. — М. С.) своя [история] не будет ясна и достаточна». Но по той же причине он осуждал «европейских историков» за их суждения, «якобы мы историей древних не имели и о древности своей не знали». Более того, он осуждал «всех европейских преславнейших историков» за то, что они «сколько бы о русской истории ни трудились, о многих древностях правильно знать и сказать бес чтения наших не могут».

В.Н. Татищев настаивал на необходимости написания «изъясненной» «истории русской», поскольку она нужна «не токмо нам, но и всему ученому миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сусчие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся». В объективном изучении отечественной истории он видел патриотическую задачу российского историка. Но этот патриотизм он противопоставлял псевдопатриотизму, предупреждая, что российский историк «страстию самолюбия или самохвальства» может быть «побежден».

Не «страсть самолюбия или самохвальства», а научные знания, совершенное знание русского языка и, следовательно, исторических источников, являются для В.Н. Татищева преимуществом российского ученого в изучении отечественной истории. Поэтому он был уверен, что «о своем отечестве»

российский историк сможет написать более обоснованно, чем иностранный: он «всегда более способен имеет правую написать, нежели иноземец <...>», «паче же иноязычный, которому язык великим препятствием есть». В своем труде Татищев привел множество таких примеров ошибочного понимания иностранными авторами средневековых и современных имен, географических и этнических названий. Поэтому противопоставление Дж. Жиродо Т.З. Байера как историка-эрудита и В.Н. Татищева как историка на службе государству скорее эффектно, чем содержательно [Giraud G. 1986. P. 351–371]. Байер служил в Петербургской Академии наук, способствуя становлению российской исторической науки, тогда как Татищев в полной мере осознавал необходимость стать историком-эрудитом, чтобы исторические разыскания приобрели государственное значение в качестве научно обоснованного изложения исторического прошлого России.

Как следует из «Предъизвещения» ко второй редакции, написание «Истории Российской» было процессом сложным. В.Н. Татищев собирал все виды исторических источников, относившихся к российской истории. Он купил более тысячи книг, включая не только на доступных ему польском и немецком языках, но также на латинском, французском и «татарском», которые отдавал переводить. Так что источниковая и историографическая основа его труда была значительной.

В.Н. Татищеву пришлось много работать над формой и содержанием «Истории Российской». После того, как Татищев написал «половину начатого труда», первую ее часть, посвященную, преимущественно, древнейшей истории Восточной Европы, скифам и сарматам, славянам и Руси, их языческим верованиям и крещению, неславянским народам, он сократил и разделил на главы, учтя исследования Т.З. Байера, опубликованные в «Комментариях императорской Петербургской Академии наук».

Вторую часть В.Н. Татищев начал писать «гисторическим порядком», т. е. в виде последовательного изложения событий в причинно-следственных связях. При этом он встретился с трудностями, другим авторам неизвестными, поскольку он работал над первым обобщающим научным трудом по истории России. По словам Татищева, в большинстве известных ему рукописей не только не было «имян творцов», но «в одном (манускрипте. — М. С.) то, в другом другое сокращено или пространнее описано, инде пропущено или потеряно, инде обстоятельство невероятное прибавлено». Рукописи находились у разных владельцев, к тому же «часто из рук в руки переходят», кроме мест хранения в «постоянной государственной книгохранительнице и монастырех». Поэтому на них «сослаться нельзя».

В.Н. Татищев много сделал для научного изучения древнерусских исторических источников. Но это было только начало. Их источниковедение и текстология были делом будущего. В таких обстоятельствах Татищев принял решение соединить погодные летописные сведения разных летописей

и «писать тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежащего к светской летописи <...>». К тому же Татищев опасался, что при их переводе или изменении порядка изложения может пострадать достоверность того, что он пишет [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 90–91].

В соответствии с периодизацией В.Н. Татищевым российской истории, во второй части его труда излагалось содержание событий «от начала русских летописей, яко известнейшее и сусче от владения Рюрика или смерти Гостомысла, последняго владетеля от рода славян, т. е. от 860-го, до нашествия татар в 1238-м году». Эта часть была завершена в предварительном виде в 1739 г., сохранившемся в переводе на немецкий язык «*Deren russischen Annalium Zweiter Theil*» (этот перевод датируется приблизительно 1741 г.). Закончена и набело переписана она в 1746 г., после чего в 1747 г. отправлена в Академию наук [Валк С.Н. 1963. С. 5–7, 9; 1964. С. 5–19].

В.Н. Татищев не был человеком самонадеянным. Работая над первой редакцией «Истории Российской», он представил свой труд на обсуждение в 1739 г. не только российским ученым, иностранцам по происхождению, но также отечественным любителям истории. В «Предъизвещении» ко второй ее редакции он откровенно сообщил об их критических замечаниях.

По словам В.Н. Татищева, «одни подвергали недостаток во мне наук». Эту критику, написал Татищев, он отвел «легко», поскольку и «преславные филозофи в сочинении исторей погрешают и не науки полезные сочиняют». Другие его критики «о порядке и складе порицали», то есть критиковали за форму изложения материала и за стиль. Отстаивая свою авторскую позицию, Татищев возражал им: «<...> я не новую и не для увеселения читающих красноречивое сложение сочиняю, но от старых писателей самым их порядком и наречием собирал, как они положили». Третьи считали, что достаточно уже существующих сочинений на эту тему: «<...> мы древних исторей довольно имеем, переправлять оные нет нужды». По мнению четвертых, «древних времен исторей вновь лучше и полнее прежних сочинить невозможно, разве от себя что вымышлять, котораго ради якобы все новосочиненное о древности правым назвать невозможно». Таким критикам Татищев с гордостью указал на свой труд: «На сие отвечает сама сия собранная История» [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 85–86].

Хотя в пылу ученых споров 1739–1741 гг. В.Н. Татищев отстаивал свои исследовательские и авторские принципы, доводы оппонентов наводили его на размышления о важности изложения отечественной истории современным литературным языком, о необходимости не только перечня исторических событий, но также их осмысления. К 40-м гг. в России существовала уже значительная историческая литература петровского времени, переводные исторические произведения, издавались «Комментарии императорской Петербургской Академии наук», содержавшие статьи Т.З. Байера,

посвященные проблемам изучения истории, а также «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания» на них, содержавшие исторические экскурсы. Появилась историческая журналистика в виде издававшегося Г.Ф. Миллером «Собрания» [см.: *Пешич С.Л.* 1961].

В сопоставлении с ними становилась очевидной неудачность ранее избранного В.Н. Татищевым плана в стремлении к максимальной объективности только перечислить сообщаемые летописями факты. К тому же, как написал Татищев, в их изложении на «древнем наречии» «инде от краткости, инде от избыточного разпространения повести не всякому вразумительно». А для перевода его труда с древнего наречия на иностранный язык «было бы многотрудно или неудобно». В особом значении такого перевода разысканий о русской истории Татищев не сомневался: «<...> необходимо для знания о том в Европе требуется».

В.Н. Татищев «преложил» ранее написанный текст «Истории Российской» на новое наречие. При этом он значительно увеличил объем содержащейся в ней информации. Как Татищев объяснил сам, он «принужден» был «от разных русских историй, яко степенных, хронографов, миней и прологов, изъяснить» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 91]. Сохранившиеся рукописи второй редакции текста и примечаний «Истории» свидетельствуют о постоянной значительной работе ее автора. Но этот выдающийся труд так и не был завершен [*Валк С.Н.* 1963. С. 7–20].

В.Н. Татищев использовал при написании своего труда более десяти летописей, значительная часть которых идентифицирована. Впрочем, дискуссия об их определении продолжается [*Пешич С.Л.* 1961. С. 251–258; *Клосс Б.М., Корецкий В.И.* 1981. С. 5–13; *Толочко А.П.* 2005. С. 49–195; *Свердлов М.Б.* 2009. С. 64–75; см. там же историографию проблемы].

Особым и остро дискутируемым вопросом является определение происхождения и содержания так называемой Иоакимовской летописи. В исследованиях ее относили и к древнейшему русскому летописанию, и к творчеству самого Татищева, а Иоакима идентифицировали с одноименными церковными деятелями то XI, то XVII в. [*Толочко А.П.* 2005. С. 196–245; см. там же историографию проблемы].

Между тем, анализ изложения В.Н. Татищевым содержания рукописи, которая к нему попала и которую в историографии стали называть «Иоакимовской летописью», позволяет по-новому определить ее происхождение.

Один из хорошо образованных монахов Бизюкова монастыря, зная о родственных связях его архимандрита Мельхиседека Борщова с В.Н. Татищевым, попросил передать этому известному в России человеку часть принадлежавшей ему рукописи исторического содержания. Являлся он автором или только владельцем рукописи — установить не удастся. Традиционное название этой рукописи как «летописи» ошибочно, поскольку в ней отсутствовал основной признак летописного повествования — погодное изложение событий. Поэтому Татищев написал, что в полученной им рукописи повествование «согласно

с Нестором, токмо все без лет». Отсюда следует, что в распоряжении Татищева оказалась не летопись, а часть авторского произведения по российской истории. Поэтому не летописью, а *историей* назвал Татищев это сочинение в заголовке четвертой главы, где он изложил содержание попавших к нему от Борщова трех тетрадей.

Определение В.Н. Татищевым новгородского епископа Иоакима как автора этих тетрадей обосновано не научными доказательствами, а его стремлением, в своих основаниях объективным, установить существование на Руси более древнего летописца, чем Нестор.

Видимо, всеми этими обстоятельствами объясняются неудачи в поисках «Иоакимовской летописи». Она не являлась летописью и не принадлежала Иоакиму ни XI, ни XVII столетия.

Автор этого произведения — один из просвещенных людей конца XVII — первой половины XVIII в. Он был начитан в основной исторической литературе своего времени. При этом отмечается его особая осведомленность в западнославянской истории. Отсюда можно предположить, что в светский период своей жизни автор был близок территориально или по роду занятий к западнославянским странам. Не случайно его рукопись оказалась в Бизюковом монастыре, принадлежавшем к Смоленской епархии, расположенной наиболее близко в России к Польше и Чехии. Автор был начитан также в польской исторической литературе. Его вероятное знакомство с содержанием хроники Козьмы Пражского может быть объяснено особым интересом Петра Великого к Чехии как к славянской стране, интеллектуальный потенциал которой мог способствовать усвоению в России достижений западноевропейской культуры. Поэтому в Петровское время русские люди были направлены не только в страны Западной Европы, но также в Прагу для дальнейшего образования [*Пекарский П.* 1862. С. 231–238].

Автору не был чужд собственный исторический анализ. Но основное содержание его произведения составляло не научное изучение российской истории, а создание историко-литературного труда, в котором определяющей составляющей являлось осмысление исторических событий. На их содержание воздействовали политические и культурные реалии первой половины XVIII в.

По степени знакомства с произведениями средневековой русской письменности, западноевропейской исторической и философской литературы, по уровню подготовки В.Н. Татищев находился на значительно более высоком уровне, чем автор трех полученных им тетрадей. Поэтому он дополнял и корректировал их. Хотя определяющим для Татищева являлось стремление сохранить в примечаниях сведения «Иоакима» как древнейшего русского летописца, Татищев не включил его текст в нарративную часть своего труда, изложив его основное содержание в четвертой главе второй редакции под названием «О истории Иоакима епископа Новгородскаго» [*Свердлов М.Б.* 2009. С. 76–93].

Как написал В.Н. Татищев, в работе над «Историей Российской» он использовал также Степенные книги, хронографы, Четьи mineи, Прологи и другие произведения. Но они, по его словам, «хотя много помоществовали, но из них в примечании токмо для изъяснения вношено, а в текст не мешано» [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 121; 1964. Т. 4. С. 49]. Исследования показали, что при работе над редакциями «Истории Российской» Татищев учел, кроме названных ранее, значительное число отечественных и иностранных исторических источников, западноевропейских, скандинавских и восточных. Их количество в его главном труде по отечественной истории со временем постоянно увеличивалось [см. опыт их перечисления: *Сенигов И.* 1887. С. 170–192, а также в значительной мере неполный перечень: *Николаева А.Т.* 1963. С. 354–356].

Таким образом, коллективный исследовательский опыт позволил идентифицировать основные рукописи летописей, использованных В.Н. Татищевым при написании повествования в первой редакции второй части «Истории Российской». В их названиях и содержании нет «мистификации», «фальсификации» и «лжи» Татищева, хотя в них прослеживается терминологическая неустойчивость, свойственная российской исторической науке первой половины XVIII в., находившейся в процессе становления.

Отсюда следует, что в первой редакции второй части «Истории Российской» при написании ее нарративной событийной части в виде контаминированного летописного текста В.Н. Татищев использовал информацию как ныне сохранившихся, так и не сохранившихся исторических источников. Впрочем, следует также предположить, что сведения, которые не находят подтверждения в сохранившихся ныне исторических источниках — внеисточникового происхождения. Они появились вследствие общего закона воздействия на историка многих факторов — уровня развития исторической науки, философских и общественно-политических концепций, общественно-политической ситуации в стране. Внеисточниковая информация в «Истории Российской» явилась также следствием творчества Татищева как историка, осмыслявшего исторические явления и процессы. На этой стадии определенное значение приобретала литературная составляющая, свойственная труду историка в XVIII в., когда историческое исследование, уже отделившееся от летописания как жанра историко-литературного, еще сохранило связи с литературой не только в изложении, но и в осмыслении исторических событий.

Поэтому при анализе «Истории Российской» и тем более при использовании содержащихся в ней сведений в современных исторических исследованиях следует учитывать их не иллюстративно, но анализируя историю текста «Истории Российской». Обобщая опыт ее изучения, С.Н. Валк написал в данной связи: «Обнаружение в настоящее время многих татищевских рукописей позволило установить длительную и тщательную работу Татищева над выработкою им окончательного текста “Истории

Российской». Это привело к неизбежному требованию: прежде чем говорить или рассуждать о том или ином мнении, слове или термине, встречающемся в «Истории Российской», следует считаться с тем, где, когда и в каком сочетании оно в ней употреблено Татищевым» [Валк С.Н. 1969. С. 349].

Таким образом, вследствие постоянного творческого изучения истории России в продолжение тридцати лет В.Н. Татищев стал историком, который профессионально освоил теорию и практику исторического исследования, свойственного его времени. Он создал первый в российской науке обобщающий труд, посвященный отечественной истории, — «Историю Российскую». Вместе с тем, весь этот период за исключением последних пяти лет он оставался административным деятелем общероссийского значения. Такое соединение исследовательской и государственной практики не могло не воздействовать на содержание идей, на интерпретацию исторических фактов в его «Истории Российской».

2. Первая редакция «Истории Российской»

Исследователями установлены существенные различия первой и второй редакций «Истории Российской» в их содержании. Данные различия являются следствием творческой эволюции В.Н. Татищева. Как было отмечено ранее, его первоначальный план работы над «Историей» изменился. Поскольку разыскания о предыстории Руси, начиная с эпохи скифов, отнимали слишком много времени, в первой ее редакции он включил все вводные наблюдения в развернутое «Предъизвещение». Оно составило более четверти объема второй части этого труда, которая вследствие особых обстоятельств стала первой законченной частью, которую Татищев мог представить в Академию наук для прочтения.

Содержание «Предъизвещения» свидетельствует об обстоятельной продуманности В.Н. Татищевым плана его исследования и о панорамном видении исторических процессов. После указания причин написания «Истории Российской» он характеризовал исторические источники, которыми пользовался при работе над ней. Далее следует краткое изложение древнейшей истории Восточной Европы, начиная со скифского времени, а также ее этнической истории. Эта начальная часть «Предъизвещения» придает хронологическое и географическое расширение последующим сюжетам, посвященным истории славян, руссов и варягов. Такое их включение в этноисторический контекст позволило Татищеву показать, что появление и участие славян, руссов и варягов в исторических процессах стало органической частью развития Европы в целом и Восточной Европы как ее составляющей. В таком понимании начальной истории Руси можно видеть стремление Татищева сохранить европейские традиции XVII — первой половины XVIII в. в изучении начальной истории